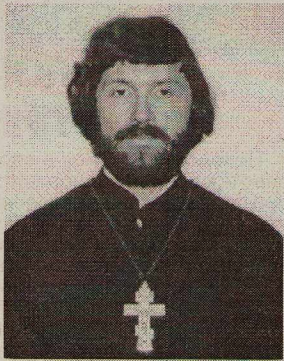

Михаил
ХОДАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ эстрада под эгидой рока деятельно осуществляет процесс дехристианизации и нравственного опрошения русского юношества, напроочь отучая его думать о Боге и об Отечестве. Глядя на скачущий по всей стране легион молодых и дьявольски бесстыжих эстрадных «девочек» и «полумужчин-полуженщин», все больше и больше уподобляющихся участникам древних оргиальных мистерий, еще раз приходишь к выводу, что именно через развращение нравов на наших глазах происходит эффективнейшее отторжение целого поколения молодых людей от Православия с его нормами чистоты, целомудрия, святости и здравым чувством гражданской ответственности.

Игорь Тальков, работавший в удушающей атмосфере эстрадного окружения, по настроению души был человеком тонким, лирическим, с открытой душой и любовью к миру и людям. Конечно, в юности он, как и большинство из нас, пропустил, должно быть, через себя мощный заряд советской и зарубежной фантастической литературы — С. Лема, братьев А. и Б. Стругацких и т.д. (отнюдь не безобидной, как это может показаться на первый взгляд: мир фантастики и «добраго вымысла» готовил сознание подрастающих поколений к принятию альтернативы, замены Христа — в виде идей о существовании иных космических цивилизаций, убеждений, что Земля есть некий маргинальный галактический загон, где жизнь людей зашла в полный тупик и где все ждут не дождутся спасителей то в виде инопланетного Разума, то какого-нибудь «ультра-киборга» или НЛО) — и хаотический поток разного рода псевдодуховных обрывков оккультных концепций, где фигурировали и Космос, и астрал, и внеземные цивилизации, и Космический Разум, и Сверхпространственные тоннели, и пробитые силами зла инфернобарьеры, и психополы.

Однако вся эта терминология со временем, по мере духовного роста поэта, постепенно исчезала (да и была-то она скорее всего внешней, наносной — вспомните себя в молодости), освобождая место для принятия Христа. Идеалом Талькова стал не сверхчеловек, не уберменш, к культу которого так стремится сейчас весь современный и «крутой» мир молодежи, подхлестываемый фантастами, ницшеанцами, неонацистами, язычниками всех мастей, фанатами спорта, извращенцами, модельерами, материалистами и когортой сторонников грядущего Антихриста, — а именно Господь Иисус Христос. Об этом поэт неоднократно открыто и говорил, и писал.

Да, по настроению своей души и сердца Игорь был близок к Православии (вся семантика его зрелых песен была построена на христианских нравственных принципах), хотя и сказал как-то в интервью, что в Бога верит, но в церковь не ходит, так как Бог — у него в душе. Нет сомнения, что эти слова были в основном наносные, полученные им от своего культурного окружения и собственного практического неведения. Родные свидетельствуют, что на своих выездных гастролях он приходил в тот или иной местный храм. А крещен он был еще в детстве. Другое дело, что он не имел, по стечению обстоятельств и в силу суесть, никакого духовника от священнослужителей Церкви.

Кстати, рискованная формула «бог в душе» уже давно стала достоянием культурно-эстрадной космополитической элиты. Путано исповедуя ее на словах при разных обстоятельствах, она, элита, конечно, ни в какого Бога не верует и над Ним откровенно смеется. Просто ею найдена, как ей безумно мнится, удачная формулировка, позволяющая с полной безответственностью относиться к религии и Богу, жить как хочешь и не отказывать себе при этом ни в каких страстях и греховных удовольствиях.

Не исключено, однако, что в сферу знакомств Игоря Талькова входили когда-то и экстрасенсы, тайные и явные, — они ведь чрезвычайно любят паразитировать на известных людях, афишируя через них себя, свои «ауры», «энергии» и получая немалую прибыль от наработанной таким образом известности. Например, одна из знаменитых экстрасенсов была на его похоронах... и даже называла его «братом». Такие люди могли вполне оказать определенное идеологическое влияние на поэта, спекулируя на его богословской неосведомленности и

активно-эмоциональном неприятии социального и инфернального зла.

Отсюда, скорее всего, и появился вышеупомянутый оккультно-терминологический досадный налет в авторском предисловии Талькова к книге «Монолог» и в некоторых его стихах. Правда, нельзя забывать, что текст «Монолога» вышел уже после убийства поэта и, возможно, испытал на себе корректирующее влияние редактора, его симпатий и антипатий. Такое вообще-то случается достаточно часто.

Игорь Тальков рос, как и все мы, его современники, поколение семидесятых, в душевной обстановке бытового социализма с Павликами Морозовыми, мумифициро-

ном заброшенном храме Усекновения главы Иоанна Предтечи (смерть Игоря при- шлась на 6 октября — праздник Зачатия Святого Пророка. — М.Х.) и принес с трудом домой, сгибаясь под его тяжестью, чтобы спасти святыню от дальнейшего ос- кернения и когда-нибудь в будущем вер- нуть ее восстановленному храму] развива- лись в борьбе с греховными искушениями, которые всегда многократно усиливаются в жизни тех, кто стремится жить не по лжи.

Игорь Тальков также создал цикл лири- ческих стихов. И хотя там имеет место оп- ределенная доля вышеозначенного при- страстия («Она танцует в Сан-Франциско, я пою в Москве», «Моя любовь», «Память»),

НЕ ДОПЕВ КУПЛЕТА...

Лит. Россия — 1998. — Зима Я. — с. 4

Феномен Игоря Талькова

ванным Ильичом, Аркадиями Гайдарами, пятилетками, афганской войной, противо- стоянием двух идеологических систем. На его «слуху» были первый полет в космос и коммуналки, хрущевская «оттепель» с ку- курузой и «пятя» — в четыре», «выполним- перевыполним» с встречными планами и «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, феномен В. Высоцкого и литература анде- граунда, которую, прозрев, мы называем сегодня упадочной, весьма лживой и по- шлой, — а тогда она казалась нам великим даром, гласом свыше, равно как и передачи Би-би-си, «Немецкой волны» из Кельна, «Свободы». А как же иначе — ведь они, эти радиоголоса, смело выступали изда- лека против ненавистного нам богоборческого коммунизма, ратовали за узников совести. А оказывается, там был кондовый полити- ческий расчет: через коммунизм дискре- дитировать огульно все прошлое страны — ее Царя, Монархию, Церковь и народ. Как показывает время, не коммунизм им не нравился, а Россия как таковая.

В отличие от большинства молодых лю- дей своего времени Игорь достаточно рано проявил организованный и целенаправ- ленный интерес к подлинной истории Рос- сии, к ее трагическому прошлому и безза- конной эре большевизма. («Листая старую тетрадь/ Расстрелянного генерала,/ Я тшдно силится понять,/ Как ты смогла себя отдать/ На растерзание вандалам — Россия!..») Эта песня произвела переворот в сознании у многих соотечественников.

Он серьезно занимался самообразова- нием, читал историческую литературу. Его тонкий лиризм, характерный для души лю- бого настоящего поэта, стал неизменно со- четаться с социальной болью и гневом по поводу всего происходящего в Стране Со- ветов. На его сердце легили первые непро- ходящие душевные раны.

Духовность Талькова, его становящееся христианское начало [здесь характерен неслучайный — в жизни ведь ничего не бывает случайно — эпизод с крестом, ко- торый поэт нашел однажды в подмосков-

но все же в этих произведениях преобла- дают грустные и покаянные мотивы («Ми- лая») и подспудно звучит мысль о том, что на чужом горе никогда не построить лич- ного счастья («Ты опоздала»).

Вообще в лирике Талькова рассеяна осенним, ночным Млечным Путем тихая грусть, которая в миру сродни вечному стремлению к чистой высокой любви, не знающей ни предательства, ни обмана («У твоего окна...», «Страница в ночи»). Поэты — и это весьма характерный для них пласт бытия — создают в воображении и строч- ках такой идеал любви и дружбы, который навсегда остается недостижимым и для них самих, и для их поэтического окружения, — и оттого творческий человек всегда страда- ет и не находит себе места: все не так и все — не те («Туманные дали», «Чудак»).

И никак не хочет такой поэт сделать ре- шительный и волевой личный вывод, что только в религии находят разрешение все вековые вопросы, безжалостно лиша- ющие нас на земле покоя, — в том числе и проблема высокой и нетленной любви. В случае с Тальковым, напротив, искрен- не радует его отношение к жене: «Рядом со мной — женщина, которая роднее и ближе мне всех когда-либо окружавших и окружа- ющих меня. Она не похожа на одну из при- думанных мною, но она достойна большой и настоящей любви. Порой мне кажется: то, что я искал за горизонтом, всегда было ря- дом, только я этого не замечал. Успокаива- юсь одним: наших отношений никогда не ка- сался обман (выделено мной. — М.Х.).

Вот, кстати, и ответ на инсинуации бор- зописцев, которые после смерти Талькова стали цинично измышлять ложь в СМИ о его так называемых «связях» с одной из эстрадных певиц. Для честного и непред- взятого читателя доказательств здесь больше не требуется — откровенное сло- во поэта достойно доверия.

Протестуя против «совков» и безбожно- го социализма («КПСС» «Кремлевская сте- на», «Стоп! Думаю себе», «Дед Егор», «То- варищ Ленин, а как у Вас дела в аду?», «Я в

детстве был примерный мальчик»), против советской рутины и обезлички, Игорь Таль- ков свое искреннее гражданское возмуще- ние и духовное неприятие происходивше- го соединяет с выражением симпатии к Церкви, но делает это опять-таки, как и в случае с Президентом, в несколько наи- вной форме — сочетая несочетаемое: Цер- ковь и рок. «Но как же всем им плохо ста- ло,/ А звучит просто занемог,/ Когда я в руки взял гитару/ И начал шпарить в стиле «рок»!/ Читая неправильные книги/ Я стал тайком по вечерам,/ На дискотеке лихо прыгать/ И посещать на Пасху храм!»

Да, часто молодежь поступала в жизни имен- но так — в знак протеста, — но, думается, не по глубоким идейным соображениям, а просто по- тому, что раньше этого делать было «нельзя».

Однако рок и храм — явления несовмес- тимые. Деструктивная музыка рока имеет в своей глубине явные оккультно-шаман- ские проявления мрачного люциферианс- кого содержания — от групп «Rolling Stones», «Black Sabbath», «AC/DC» до «Led Zeppelin», «Venom», «Black Metal», «Slayer» и множества их современных интернацио- нальных групп-близнецов, в том числе и подражательных российских.

Рок, вне зависимости от своих направ- лений, будь он так называемый «мягкий» (Soft Rock) или «тяжелый» (Hard Rock и Heavy Metal), — это всегда одна и та же по содержанию, хотя и многоуровневая по форме, ритмическая музыка для тела и низменного сексуального возбуждения с заданностью на оргии, бисексуальность и гомосексуализм. Воздействуя через ритм на моторику (двигательные процессы) и настроение людей, она (через аппаратуру, усиливающую звук до уровня, покрываю- щего рев взлетающего сверхзвукового истребителя) вырабатывает в них коллек- тивный гнев и агрессивность, спонтанно выливающаяся в насилие.

Наркотики, в свою очередь, дают фана- там рока «расширенное сознание» и «спо- собность получать удовольствие от тела в максимальной степени».

Кстати, любимые многими (в том числе и некоторыми российскими христианами, особенно в возрасте 30 — 40 лет) ливер- пульские рок-интерпретаторы из группы «Beatles» объективно включали в свои про- изведения почти все вышеперечисленные слагаемые. Поэтому нашим доморощен- ным и неискушенным битломанам не сле- дует (хотя бы уже сейчас, в преполовинии лет) «отключаться» на волне сладостных мелодий и чувственных ритмов какого-ни- будь «Imagine» («Представь себе, что Рая нет,/ Станет намного легче, если ты это выяснишь.../ Не существует никакой рели- гии...») или психоделического (то есть включающего в себя наркотические обра- зы) диска «Sgt. Pepper», а мало-мальски поинтересоваться содержанием прослу- шиваемых песен.

Но вернемся к упомянутой выше песне Игоря Талькова. Тот, кто «лихо прыгает на дискотеке» — на одной из самых кримино- генных и болевых точек общества, где мо- лодежь стадным образом «оттягивается», беря в себе «подавленные половые ин- стинкты», — а потом берет и запросто «по- щещает храм», рискует просто разорвать- ся изнутри на части от эффекта соедине- ния антагонизмов. Или же, по меньшей мере, создаст из Христа хиппицу (а то и панкующий) персонаж типа героя рок- оперы «Jesus Christ Superstar», который го- ворит крамольные с точки зрения Еван- гелия вещи, бунтует против Бога Отца и при всем при том по своей беспомощно- сти превосходит даже булгаковского Иешуа Га-Ноцри из «Мастера и Маргариты».

Обо всех этих так называемых «тонко- стях» (а духовный мир — это сплошные тонкости: чуть ошибся — и уже под ногами что-то с треском рвется и проваливается — и ты вверх тормашками летишь в про- пасть) Тальков, может быть, и не знал. Ему, как профессионалу эстрады, рок был впло- не привычен, делаясь похожим на хлеб и воздух, — ибо через него он самовыражал- ся и зарабатывал на жизнь.

Однако выбранный им жанр эстрады, где неминуемо довлеет стиль рок и разру- шительная для христианской нравственно- сти (а значит, и для правильного осмысле- ния вещей) идеология, всем своим темным существом не принимал и отторгал твор- чество поэта, призывавшего к Богу, добру и свету, стремившегося к созданию высо- конравственной жизни на Родине и едине- нию людей на идеях дореволюционной России. Для многих песен Талькова зако- ны эстрады и ее общее гоморро-содомит- ское направление были также неприемле- мы, как монархии — космополитизм, свя- тости — грех, вере — безбожие и девствен- ности — порок.

(Окончание следует)

Коллаж Е. РОГОВА

Продолжение. Начало в № 26.